

Январь 2005 г.

Крестики-нолики *Еще раз о перспективах отечественного образования*

Правительство России на заседании 9 декабря 2004 года одобрило очередной документ, призванный определить стратегию образовательной политики и названный «О приоритетных направлениях развития образовательной системы Российской Федерации» (далее – «Приоритетные направления»). Документ дважды обсуждался на Парламентских слушаниях: 25 ноября в Совете Федерации и 9 декабря в Госдуме.

Между прочим, слушания эти весьма отличались друг от друга. В Совете Федерации они проводились вовремя, с участием министра образования и науки А. Фурсенко и отличались конструктивно критическим духом. Председатель профильного Комитета Верхней палаты В.Е. Шудегов сделал аналитический доклад, явно выдержанный в стиле социального, демократического направления в образовательной политике. Судя по тому, что в заключительном слове министр заметно смягчил позиции, Парламентские слушания бесследно не прошли. Напротив, Парламентские слушания в Госдуме проходили без министра, без серьезной аналитики со стороны Председателя профильного Комитета, а главное – 9 декабря во второй половине дня, т.е. после того, как в первой его половине Правительство документ уже в основном одобрило. Говоря словами известной песни, «лишь рукой помахал ей во след» - в данном случае данной «реформе» образования. Тем самым IV Госдума в очередной раз показала, что перестала быть самостоятельным органом, фактически превратившись в законодательный департамент Правительства.

Автору удалось выступить дважды: и в Совете Федерации, и в Госдуме. Однако в «родной» палате первому зампреду профильного Комитета слово было предоставлено одному из последних, когда добрая половина зала уже разошлась, а оставшаяся устала. Между тем, мне было что сказать, а потому, анализируя новый документ, позволю себе использовать не только идеи, но иногда и цитаты из двух собственных выступлений.

1. «Процесс пошел»: когда и как?

Помню, как в период квазидемократической эйфории конца 80-х – начала 90-х гг. представители новой политической элиты требовали, чтобы процесс разработки любого государственного документа был открытым, а имена его авторов предавались гласности. «Народ должен знать своих героев», - звучало с трибун и экранов. И звучало совершенно справедливо. Увы, в соответствии с «принципом маятника», сверхновые времена сплошь и рядом повторяют проклинаемые старые. О том, что Минобрнауки формирует рабочие группы для подготовки стратегических документов, даже мне, первому зампреду думского Комитета по образованию и науке, стало известно лишь в конце июля, причем, как говорят, из неофициальных источников. Если им верить, документ разрабатывали методологи, которыми руководил то ли В. Мау, то ли П. Щедровицкий. Первая версия документа, попавшая мне в руки, была роздана участникам Совета Российского Союза ректоров 25 октября 2004 года. Документ имел претенциозное название «Стратегия развития системы образования Российской Федерации» (далее – «Стратегия») и начинался по новой – старой моде цитатой Президента: «...создание в России свободного общества свободных людей – это самая главная наша задача» - В.В. Путин. Первое же знакомство с документами вызвало в памяти известный афоризм: Кто умеет – работает; кто не умеет – учит; кто не умеет учить – управляет. Вот лишь некоторые образчики содержания и формы изложения «Стратегии».

«Целевая установка системы образования

Сделать образование важнейшим ресурсом для реализации таких ценностных ориентиров, как:

- свобода (максимально возможное удовлетворение гражданских интересов и потребностей)». – Каждый, кто изучал философию в вузе, знает, что свобода отнюдь не сводится к удовлетворению интересов и потребностей, тем более только гражданских.

«Задачи

2. Доступность к качественному образованию (в том числе для малоимущих)». – Задача хороша, но у авторов явные проблемы с русским языком: в школе учат, что слово «доступность» требует родительного, а не дательного падежа. Видимо, здесь тот самый случай, когда, получив высшее образование, а затем ученые степени, некоторые утрачивают образование среднее.

А вот лишь одна из схем, какими изобилует предложенный Совету Союза ректоров текст «Стратегии». **Схема из текста «Стратегии».**

Избавляя читателя от дальнейших страданий по поводу документа, имеющего промежуточный характер, позволю себе лишь некоторые обобщения. Своему названию документ явно не соответствует и на стратегию образовательной политики в Российской Федерации явно не похож. Про текст нельзя даже сказать, что «гора родила мышь». Скорее вспоминаются пушкинские строки: «Не мышонка, не лягушку, а неведому зверушку». Для работы над документом читателю, если, конечно, он не методолог, явно требуется дешифровальщик, переводчик, редактор, а то и корректор. Читатель «Стратегии» стоит перед главной проблемой – понять не то, что написано, но то, что авторы хотели сказать. Единственное, в чем убеждает документ, - что отнюдь не все проблемы отечественной системы образования решены, включая качество подготовки специалистом – стратегов, а впрочем и тактиков тоже.

Обо всем об этом можно было бы и умолчать. Тем более, что «Стратегия» благополучно канула в Лету. Теперь на очереди документ «О приоритетных направлениях развития системы образования в Российской Федерации», к тому же представленный Правительству не тайным орденом методологов, но Министерством образования и науки Российской Федерации и этим Правительством одобренный. Можно было бы и умолчать, если бы изменился стиль подготовки документа. Уверен: ключевые проблемы стратегии образовательной политики должны обсуждаться публично и, безусловно, такого обсуждения заслуживают. Однако, согласно достоверным источникам (как говорят журналисты), за две недели до заседания Правительства даже члены Президиума Российской Академии Образования в большинстве своем не были знакомы с той структурой общеобразовательной школы, которая предложена Правительством 9 декабря. Более того, сама эта структура окончательно не была еще определена. Члены думского Комитета по образованию и науке получили документ менее чем за 10 до его одобрения Правительством. Абсолютному большинству образовательного сообщества он стал доступен лишь после 9 декабря. Предоставляю читателю судить, что за этим стоит: неспособность разработчиков укладываться в срок, неуважение к многомиллионной образовательной общественности или модная сейчас секретность вместо публичности. Независимо от ответа на этот вопрос новый текст заслуживает самого подробного обсуждения хотя бы потому, что «экспериментировать» теперь намереваются, похоже, над всей системой образования, охватывающей 38 млн. человек, не считая родителей и родственников.

2. Ложка меду - и даже не одна Вариант: Несколько ложек меду

Справедливость требует сказать: документ «О приоритетных направлениях развития образовательной системы РФ» существенно лучше, чем «Стратегия...», точнее, он не столь плох. К его достоинствам по сравнению с предшественником можно отнести следующие.

Во-первых, форма изложения. Новый текст, по крайней мере, изложен языком, доступным образовательному сообществу - спасибо переводчикам с «методологического» на русский. Это вовсе не означает, что его не следует читать между строк и подвергать

почти герменевтической интерпретации. Но игра в «крестики – нолики», которой изобилвала «Стратегия» здесь уже отсутствует.

Во-вторых, в целом позитивно следует оценить провозглашенный новым документом курс на непрерывное образование, а также, со значительными оговорками, соответствующие законопроекты. Действительно, если страна намеревается двигаться в направлении информационного общества, каждый ее гражданин должен стремиться к образованию в течение всей жизни, в хорошем смысле быть вечным студентом.

Однако, как, видимо, догадался читатель, весь документ отвечает перефразированной поговорке: Ложка меду бочку дегтя не подсластит. Провозглашая курс на непрерывное образование, загадочное отечественное Правительство и недумавшее большинство Госдумы не далее, как полгода назад отклонили принятый предшественниками ФЗ « О дополнительном образовании», в котором те же идеи были сформулированы в гораздо более социальной форме.

Напомню: этот Федеральный Закон разрабатывался с 1997 г. сначала парламентскими комитетами, затем совместно с Минобразования России; при подготовке ко второму чтению максимально согласовывался с исполнительной властью (были приняты 37 из 38 поправок Правительства, 30 из 31 поправки Президента); во втором и третьем чтениях поддерживался Правительством; по информации Минобразования, был предварительно согласован с администрацией Президента; неожиданно получил вето Президента В.В. Путина, а затем президентская сторона отказалась от всех согласительных процедур.

Одна из ключевых идей Закона – приравнять работников системы дополнительного образования по заработной плате и социальным гарантиям, а также сами эти учреждения – по уровню государственной поддержки, соответственно, к работникам учреждений, реализующих основные образовательные программы (школ, ПТУ, ССУЗов и ВУЗов), и к самим этим учреждениям.

Исполняя команду «смирно», большинство Комитета по образованию и науке рекомендовало Нижней палате Парламента отклонить закон. Страна по-прежнему будет бороться с преступностью и безнадзорностью среди несовершеннолетних вместо того, чтобы всё это предотвращать. За отклонение закона (дата) проголосовали 96,1 % депутатов от «Единой России». Против его отклонения высказались: ЛДПР – 94,4 %, КПРФ – 88,2 %, «Родина» – 84,6 %.

Теперь Правительство и правящая партия рекламируют собственную аналогичную законодательную инициативу, однако много слабее по содержанию и не касающуюся дополнительного образования детей.

В третьих, позитивной оценки заслуживают немногочисленные положения документа, относящиеся к гарантиям права на образование для отдельных категорий граждан, в том числе предложения:

- после специальной довузовской подготовки вне конкурса принимать и за государственной счет обучать тех, кто полный срок отслужит в армии. Это, с одной стороны, должно стать стимулом к армейской службе, а, с другой, шагом в сторону ограничения неравенства образовательных возможностей, поскольку современная российская армия, как известно, вновь стала рабоче-крестьянской по солдатско-сержантскому составу;

- финансировать на основе повышенных нормативов образование лиц с ограниченными возможностями здоровья. – Правда, это, кажется, единственная идея в отношении таких лиц, посетившая авторов документа, хотя, по данным предыдущего Минобразования, в специальных образовательных условиях нуждается каждый десятый обучающийся.

Количество подобных предложений в документе весьма ограничено. Их можно, пожалуй, перечислить по пальцам одной руки, и не они, увы, делают погоду.

В четвертых, как обычно в подобных случаях, документом провозглашаются самые благие цели, призванные вызвать сочувственный отклик в сердце каждого, кто учится, учит или обеспокоен будущим своих детей. Цитирую:

«На современном этапе модернизации российского образования приоритетными направлениями государственной политики образования должны стать:

- формирование современной системы непрерывного профессионального образования;
- повышение качества профессионального образования;
- обеспечение доступности качественного общего образования;
- повышение инвестиционной привлекательности сферы образования».

Интересно, найдется ли у этих приоритетов хоть один противник? Однако следует почитать следующий раздел документа, посвященный механизмам их реализации, чтоб убедиться: реализации осуществления новой стратегии окажутся прямо противоположными заявленным целям. Приведем лишь некоторые тому доказательства, начав с самой привлекательной декларации – обеспечения доступности качественного общего образования.

1. Введение всеобщей частичной платы за обучение в школе под лозунгом сокращения нагрузки учеников и учителей.

Цитирую документ: «С целью сохранения здоровья детей следует рассмотреть различные варианты снижения нагрузки учащихся. Учитывая, что аудиторная нагрузка учащихся в России выше чем, например, в европейских странах на 10-15%, целесообразно апробировать снижение недельной нагрузки учебного плана при соответствующем увеличении уровня оплаты педагогического часа учителя (за счет уменьшения нормы часов на ставку заработной платы). При этом индивидуализация занятий учащихся и расширение для них возможностей выбора образовательных программ могут финансироваться из дополнительных источников как бюджетных, так и внебюджетных».

Выступая на Парламентских слушаниях в Совете федерации 25 ноября, на заседании Правительства 9 декабря (где по свидетельству очевидцев он дважды назвал аудиторную нагрузку «аудиторской»), министр образования и науки А. Фурсенко сам расшифровал этот текст следующим образом:

- базисный учебный план в школе сокращается на 25% (а не на 10-15%);
- родители, желающие дать детям полноценное образование, оплачивают четверть их обучения;
- малообеспеченные семьи получают на эти цели адресные субсидии;
- при прежнем уровне оплаты ставка педагога снижается на четверть (т.е. 4,5 часа из 18), а за счет родительской платы учитель, соответственно получает на четверть больше.

Ректор Высшей школы экономики (в просторечии именуемой «Вышкой») Я. Кузьминов на думских слушаниях 9 декабря мягко обосновывал целесообразность предложений Минобрнауки: поскольку школьные поборы все равно существуют, составляя по данным «Вышки» до 25% от бюджета школы (предполагаю, что эти данные получены в Москве), их следует узаконить и вывести из «тени» на «свет». Однако, когда это «реформаторская» идея была озвучена мною в селе (п. Черлак Омской области), зал, состоявший в значительной степени из родителей и педагогов, загудел от возмущения. Приведу отрывок из собственного выступления на Слушаниях в Совете Федерации в присутствии образования и науки.

«... Некоторые идеи «Стратегии» содержат прямую угрозу понижения человеческого потенциала страны и раскола образовательного сообщества. Под благовидным предлогом сокращения учебной нагрузки школьников и учителей на 25% нам фактически предлагают введение всеобщего частично платного среднего образования с компенсациями для малообеспеченных семей. Возможно, часть директоров школ эту идею поддержат, зато абсолютное большинство родителей выскажутся против.

Позволю себе и здесь сослаться на мировой опыт. Возьмем в качестве примера США – идеал для отечественных ультралибералов и новое «светлое будущее» России. В этой самой западной из всех западных стран 90% детей учатся в государственной или муниципальной школе с бесплатными учебниками, разумеется, без всяких принудительных родительских доплат. Между тем, минимальная заработная плата в большинстве развитых стран составляет около 1 тысячи долларов, тогда как в России – 20 долларов. Одновременно после правления Дж. Буша-младшего дефицит бюджета в США превысил 400 млрд. долларов, тогда как в России в 2001-2005 гг. профицит федерального бюджета приблизится к 1,5 триллионам рублей. Почему мы опять пытаемся экономить на детях?

Не говорю уже о том, что «адресные» субсидии в селе платить придется практически всем поголовно, а, учитывая современные нравы, есть все основания полагать, что деньги эти просто пропадут. Как здесь не вспомнить горький анекдот.

Сын услышал по радио, что поднимаются цены на водку и спрашивает отца:

- Папа, это значит, что ты будешь меньше пить?

- Не, сынок, это ты будешь меньше есть!

Предложение о мнимом сокращении учебной нагрузки (т.е. оплачиваемых из бюджета учебных часов) для детей из семей с низкими и средними доходами явно ведет к тому же результату, но уже в отношении пищи духовной».

Подытоживая сказанное, легко прогнозировать основные последствия трогательной заботы по поводу перегрузки детей:

- понижение общего уровня школьного образования (за последние 15 лет Россия и без того в значительной степени утратила свои позиции в этой области);

- рост неравенства образовательных возможностей в зависимости от места жительства и доходов семьи;

- обострение проблемы детской безнадзорности (авторы документа почему-то считают необходимым решать эту проблему лишь в отношении сельских малокомплектных и специальных школ);

- увеличение существующих поборов с родителей примерно в 2 раза, причем на законных основаниях;

- труднопрогнозируемое влияние на уровень оплаты педагогического труда (вполне вероятно, что перегруженные региональные бюджеты в условиях расширения платности школьного образования попытаются еще более сократить надтарифный фонд зарплаты).

2. Новая структура школьного стандарта, предполагающая две новации: включение в стандарт требований к условиям образовательной деятельности при одновременном исключении из него минимального содержания образования.

Первая из этих новаций заслуживает всяческой поддержки: невозможно требовать высокого качества подготовки выпускников при отсутствии необходимых условий образования. Эта идея особенно важна в настоящее время, когда правительственным законом об отмене 112 законов и «секвестре» 152 (№ 122-ФЗ) образовательное законодательство разрушено именно в части, призванной обеспечить уровень финансирования школы, зарплату и другие составляющие социального статуса педагога, а так же социальные гарантии для учащихся. А стандарт на условия образовательной деятельности предлагал ввести в закон еще профильный Комитет III Госдумы, включая автора этих строк. Однако тогда именно Минфин и администрация Президента настаивали на том, чтобы это положение из законопроекта было исключено. Удастся ли неопитам образовательной политики вернуть его обратно, покажет только время.

Вторая предложенная новелла, – об исключении из стандарта минимального содержания образования, – на мой взгляд, стандарт полностью разрушает. Если в каждой школе ребенка будут учить, чему и когда считают нужным, обеспечить качество образования и академическую мобильность (например, при переезде в другой город)

окажется практически невозможно. Невозможно даже в том случае, когда учить будут в принципе одному и тому же, но в совершенно разное время. Представьте себе ребенка, родители которого перебрались из села в город, в другой район города, в другой регион или просто в другую школу в рамках своего микрорайона, где ему придется повторить часть уже изученных курсов, но зато самостоятельно наверстывать курсы, пройденные его новыми одноклассниками. Ясно, что сделать это можно только с помощью репетиторов или платных дополнительных занятий со школьными учителями. Кстати, идея «зачистки» минимального содержания образования напрямую связана с предыдущей – о введении для всех частично платного обучения. Мне не раз приходилось объяснять образовательному сообществу, что образовательные стандарты – это один из современных обоюдоострых механизмов управления: полноценный стандарт – качественное образование; усеченный стандарт – образование на уровне ЦПШ. Ко второму варианту российское Правительство склонялось еще в период «очередного этапа реформирования образования» (1997-98 гг.). Тогда отбились. Отобьемся лит вновь?

Таким образом, оценить «школьно-стандартные» «новеллы» правительственного документа можно известной формулой: хорошее в нем не ново, а новое – не хорошо.

Интересно было бы послушать, как разработчики концепции стали бы обосновывать связь предлагаемых мер с повышением доступности качественного общего образования? Но для этого надо узнать хотя бы их имена. Обратимся, однако, к тому, как предполагается реализовать другие цели, провозглашенные документом.

3. Двухступенчатое высшее образование: непрерывность - через разрыв?

«Приоритетные направления» предполагают переход отечественной системы высшего образования на двухступенчатую структуру. Возможность такой структуры (бакалавр – специалист или бакалавр – магистр) и в настоящее время предусмотрена Федеральным Законом «О высшем и послевузовском профессиональном образовании», а ее необходимость – болонским процессом, к которому присоединилась Россия. Насколько жестким является такое требование, вопрос особый, выходящий за рамки наших задач. Во всяком случае, к плюсам правительственного документа можно отнести то, что он допускает возможность сохранения так называемого «специалитета», т.е. возможности подготовки наряду с бакалаврами и магистрами, также и специалистов в соответствии с традициями отечественной системы образования.

Однако и в данном случае «минус» многократно перевешивает «плюс». «Приоритетными направлениями» предполагается конкурсный отбор при переводе с первой ступени высшего образования на вторую. Более того, в одном из законопроектов, подготовленных группой И. Шувалова – Я. Кузьминова – Л. Яковсона, были обозначены и примерные пропорции: количество учебных мест для специалистов должно составлять не более 40%, а магистров – не более 30% от выпуска бакалавров. Как говорили встарь, вот тебе, бабушка, и Юрьев день! Какая же это непрерывность, если даже ступени одного уровня профессионального образования предполагается разорвать? Подумали ли авторы о том, что будет с отсрочками от военной службы, если уже сейчас военкоматы пытаются не дать бакалаврам перейти в магистратуру и специалитет? А, быть может, как раз подумали?

Выступая на Парламентских слушаниях в Госдуме 9 декабря, ректор МГУ и Президент РСР В. Садовничий вполне определенно заявил, что трех - четырехлетние российские бакалавры при современном уровне оплаты труда интеллигенции обречены лишь на то, чтобы становиться на Западе лаборантами. И эта система подготовки «волшебников-недоучек» почему-то именуется авторами повышением качества профессионального образования!

4. ГИФО на основе ЕГЭ – новый фактор неравенства.

В свое время автор уже имел возможность подробно высказать читателям журнала свою точку зрения на этот вопрос (см. «Народное образование» - № 1, 2. - 2004). Хочется лишь напомнить еще раз: в мире есть много стран, где применяется система единого

экзамена, общенационального тестирования и т.п.; образовательные ваучеры (государственные именные финансовые обязательства) не используются ни в США, ни в Германии, ни в Великобритании, ни во Франции, ни в Южной Корее, ни в большинстве других индустриально развитых стран; ГИФО по результатам ЕГЭ – это замороженный «велосипед», насколько известно автору, не имеющий аналогов в мире. И не случайно: с помощью элитных школ, репетиторов, связей и взяток семьи с более высокими доходами, несомненно, смогут в среднем обеспечить более высокие результаты ЕГЭ для своих детей. Как показал эксперимент, относительный уровень льгот, предусмотренных законодательством для детей-сирот, детей-инвалидов, инвалидов I и II группы, инвалидов и участников боевых действий и других категорий граждан, при введении ЕГЭ заметно снижается. В итоге бесплатно будут учиться, как правило, именно дети из семей с высокими доходами. Тем же, кто таких доходов не имеет, придется за образование доплачивать или платить полностью. Такая ситуация наблюдается уже сейчас, однако ГИФО на основе ЕГЭ ее резко обострит.

Кстати, в эксперименте и в предшествующей итерации концепции ГИФО был, как минимум один плюс: она предполагала, что бюджет будет оплачивать обучение не менее половины всех студентов, получивших образовательные ваучеры. В новом правительственном документе этого важного положения обнаружить не удалось.

б. Новые организационно-правовые формы: кто превратится в ГАНО?

Продолжая линию концепции управления имущественными комплексами в образовании, «Приоритетные направления» предполагают введение новых организационно-правовых форм образовательных организаций. «Помимо бюджетных учреждений предполагается использование таких организационно-правовых форм как автономные учреждения (АУ) и государственные (муниципальные) автономные некоммерческие организации (Г(М)АНО). Выполнение данной задачи позволит создать базовые условия для повышения эффективности и прозрачности финансирования сферы образования».

Эти АУ и Г(М)АНО (или ГАНО), как значилось в первом варианте управления имущественными комплексами, уже стали предметом бурных протестов со стороны общественности, представляющей интересы образования и культуры. Напомню еще раз, что переход к ним означает: 1) утрату законодательных завоеваний, включая отсрочки, налоговые льготы и т.п.; 2) потерю конституционных гарантий права на образование, которые предусмотрены для госучреждений, но отнюдь не для АУ или ГАНО; 3) явный факт приватизации образования, ибо, с одной стороны снимается запрет на нее, предусмотренный законом для образовательных учреждений, но не для АУ и ГАНО, а с другой – в последней версии законопроекта имущество ГАНО предполагается фактически передать в частную собственность при формально государственном статусе организации (подробнее см. «Народное образование» - № ? «Имущественный фетишизм»).

Позволю себе еще одну цитату из собственных выступлений на Парламентских слушаниях в Совете Федерации 25 ноября: «В свое время министра образования В.М. Филиппова немало критиковали за обилие экспериментов, изобрели даже специальный термин – «ширмаш», т.е. широкомасштабный эксперимент. Однако справедливость требует сказать: эти широкомасштабные эксперименты уберегли отечественное образование от многих бед. Если бы ЕГЭ, ГИФО и подобные им меры вводились сразу, без всяких экспериментов и обсуждений последствия оказались бы много хуже.

Уважаемый Андрей Александрович (Фурсенко)! Быть может, стоит последовать примеру и дать возможность желающим попробовать это самое ГАНО в порядке эксперимента, только узкомасштабного? Давайте сначала посмотрим, к чему это приведет».

Собственно говоря, из текста концепции не следует, что все государственные образовательные учреждения принудительно станут превращать в АУ или ГАНО. В этом заверял участников Парламентских слушаний в Совете Федерации и министр образования

и науки А. Фурсенкою. Однако лиха беда – начало. Сейчас никто не может определить, сколь сильным окажется для Правительства соблазн уменьшить бюджетное финансирование образования, а за одно ликвидировать оставшиеся налоговые льготы, отсрочки и т.п. В печати уже сообщалось о том, что в ГАН решено превратить, например, большую часть театров, оставив госучреждениями с соответствующим финансированием лишь ограниченное число избранных. Вполне вероятно, что та же судьба ожидает и большинство образовательных учреждений, по крайней мере профессиональных.

7. Шаги назад.

Даже в тех случаях, когда «Приоритетные направления» предлагают введение новаций, уже широко обсужденных в образовательном сообществе, это делается либо при отсутствии ответов на ключевые вопросы, либо с отступлением от ранее согласованных позиций. Вот лишь два примера.

Пример первый – образовательные кредиты. Их предлагается применять, преимущественно, на второй ступени высшего образования. Однако из текста не ясно, о чем именно идет речь:

- о собственно образовательных кредитах (т.е. средствах на оплату образования) или социальных кредитов для студентов (т.е. на жизнь в период обучения)?
- о кредитах вместо бюджетного финансирования или дополнительно к нему?
- о кредитах, применяемых во всей сфере высшего образования или же только в некоторых ее сегментах (например, как в свое время предлагала В. Матвиенко, в областях педагогического и медицинского образования)?
- о кредитах льготных или обычных (напомню: в США образовательный кредит выдается по ставке рефинансирования федеральной резервной системы, т.е. около 0,5% в год)? и т.д.

Пример второй – профильная старшая школа. И здесь нет внятного ответа на вопросы, многократно дискутировавшиеся в образовательном сообществе в предыдущие годы:

- сохраняется в профильной школе общедоступность полного среднего образования?
- как будет реализоваться профилизация в сельской школе, тем более малокомплектной при одном классе в параллели при отсутствии необходимых учебников, оборудования и кадров?
- все ли дети будут подвергнуты профилизации либо им и родителям оставят право выбора?

По последнему вопросу в свое время была достигнута договоренность, что наряду с профильной школой сохранится и универсальная. Действительно, невозможно требовать от каждого ребенка, чтобы он четко определился с выбором дальнейшей траектории обучения уже в девятом классе. Похоже, что эта договоренность теперь забыта, а хрупкий консенсус в образовательном сообществе разрушен: «Приоритетные направления» однозначно определяют старшую ступень школы как профильную.

В свое время автор этих строк сделал такой выбор между музыкой и гуманитарными науками лишь в одиннадцатом, а до этого времени всерьез думал о физике или математике. А как было у Вас, читатель?

8. Молчание о главном.

Ни концепция управления имущественными комплексами, ни «Стратегия», ни «Приоритетные направления» практически ничего не отвечают на ключевые вопросы образовательной политики, включая бюджетное финансирование, налоговые льготы, статус педагога и социальные гарантии для обучающихся. Более того, если об этом и упоминается, то в таких формулировках, про которые говорят: лучше уж жевать!

Так, признавая длительное недофинансирование системы образования и низкий уровень зарплаты педагогов, авторы документа разразились следующим пассажем: «Доля расходов на оплату труда в консолидированных бюджетах субъектов Российской

Федерации последние годы нарастает. В 2000-2002 гг. она составила 40,2%, 43,1% и 49,9% соответственно. Дальнейшее увеличение доли заработной платы в структуре расходов на образование может привести к существенному снижению качества учебного процесса».

Каково, читатель? Оказывается, беда школы не в том, что ей не дают денег, но в том, что их слишком много выделяется на зарплату! Какой вывод из этого сделает Минфин и иже с ним, понятно: довольно повышать зарплату учителю. Тем более, что министр финансов А. Кудрин уже много раз с восторгом говорил о том, что за последние 4 года она выросла в 2,5 раза. Вот только педагоги эти расчеты не подтверждают.

«Приоритетные направления» стыдливо обходят и проблему налоговых льгот для образования. Между тем, образовательное сообщество должно получить ясный ответ, по крайней мере, на следующие вопросы:

- готово ли Минобрнауки РФ совместно с профильными парламентскими комитетами бороться за их сохранение и возвращение, или Россия будет по-прежнему догонять развитые страны задом наперед, облагая всех одинаковыми налогами и вводя с помощью такого «казарменного коммунизма» «дикий капитализм»?

- что будут делать образовательные учреждения в 2006 году, когда заканчивается срок действия льготы по налогу на имущество и, расчетам экспертов думского бюджетного Комитета, затраты на выплату этого налога окажутся сравнимыми с фондом оплаты труда?

- будет ли и кому именно компенсировано за счет бюджетов потеря налоговых льгот? и т.д. и т.п.

Рассуждать о повышении инвестиционной привлекательности образования и при этом облагать налогами образовательные учреждения и инвесторов – яркий образчик «методологической логики». При таком подходе проблему инвестиций в образование придется решать едва ли не дольше, чем уравнение Ферма.

Авторы нового правительственного документа упрекнули своих предшественников в том, что в части финансирования и социальных гарантий позиции, заложенные в прежние решения о модернизации образования, не выполнены. И упрекнули справедливо. Однако предшественники, по крайней мере, поднимали эти вопросы перед Правительством. Напротив, в «Приоритетных направлениях» сделан вид, что этих вопросов просто не существует. Оправданий такому подходу нет никаких.

Совершенно очевидно: серьезный документ о стратегии и перспективах развития образования должен ответить, как минимум, на семь вопросов:

1) уровень и механизмы финансирования, включая консолидированный бюджет, межбюджетные отношения, налоговый режим для самих образовательных учреждений и инвесторов образования;

2) уровень оплаты труда и параметры статуса педагогических работников;

3) гарантии права на образование и социальные гарантии для обучающихся;

4) система мер по ограничению неравенства возможностей в сфере образования;

5) система и организация управления, включая уровни, распределение полномочий и нефинансовые механизмы;

6) содержание образования;

7) ценности, на которые система образования ориентирует обучающихся.

В одобренных Правительством «Приоритетных направлениях» полного и системно изложенного ответа нет ни на один из этих вопросов, а на некоторые ответа нет вообще. Прочитав документ, внятно сформулированных перспектив для себя не увидят ни родители, ни педагоги, ни школьники, ни студенты, ни образовательное сообщество, ни общество в целом. Не исключено, что в отечественную историю образовательной политики документ войдет под названием «Образование без приоритетов и без перспектив». Он нуждается не в доработке, но в принципиальной переработке.

Закончить рискну выводами из собственного выступления на Парламентских слушаниях в Совете Федерации.

«1. Российскому образовательному сообществу, несомненно, нужен документ, который по содержанию отвечал бы на все основные вопросы, а по форме был бы понятен участникам образовательного процесса. В этом смысле не грех использовать опыт западных политиков, чьи программы формулируются в виде ограниченного числа тезисов, понятных всему населению

2. Для доработки (а точнее переработки) предложенных Министерством документов необходимо создать совместную правительственно-парламентскую рабочую группу (или группы). В качестве «площадки» предложил бы Совет Федерации, как наименее политизированную структуру, которая в последнее время нередко занимает позицию более прообразовательную, чем современная Госдума.

3. По спорным проблемам необходим режим публичного обсуждения и узкомасштабных экспериментов...

4. Очевидно, что главная трудность – не выработка программы, но ее проведение в жизнь. Поэтому отечественному образованию, как никогда, нужна мощная в хорошем смысле лоббистская структура для защиты и продвижения собственных интересов. Образовательное лобби во властных структурах, включая Парламент, в критический момент оказалось довольно слабым. А жаль: образование – это та сфера, где корпоративные интересы совпадают с общественными. Чем более образованной будет страна, тем больше у нее шансов обеспечить себе достойное будущее. Думаю, основными ориентирами для новой структуры могли бы стать три принципа. Два из них сформулированы ЮНЕСКО: «Образование для всех» и «Образование через всю жизнь». Рискну сформулировать и третий принцип: «Хорошего образования много не бывает».

Глубоко убежден: модернизация образования России необходима. Но это должна быть модернизация органическая, которая опиралась бы, с одной стороны на лучшие отечественные традиции, а с другой стороны – на опыт самых передовых стран, а не отбрасывала бы страну назад к элитаристским подходам позапрошлого века. Чем быстрее это осознает власть, тем больше перспектив у страны и народа».

Опубликовано: Народное образование. – 2005. – Январь. – № 1. – С. 20.